Semion.Sucholutsky@gmail.com
Торонто, 2022, 2025

С. Сухолуцкий

Дама с собачкой или Рассказ Гурова

Предисловие, не имеющее отношения к делу

Перед вами не связанный текст, а отредактированные заметки на полях. Тот факт, что оригинальные мысли, высказанные здесь, оказались сродни идеям других авторов, не является для меня полной неожиданностью. Но всё же досадно. Радуют только имена нескольких из них, возвышающихся на литературном поле как деревья, в тени которых мои идеи уже не кажутся мне банальными.

Цитат почти не привожу, дабы не оскорбить читателя подозрением в незнании авторского текста. Свой же текст сокращаю до предела, чтобы не лишать читателя радости думать и делать маленькие открытия. Не говоря уже о том, что перечитывать хорошие книги само по себе есть отменное удовольствие.

Общие соображения

В поздних рассказах Чехов достиг такого мастерства, что мысли и чувства героев он смог передавать не прямой речью, но скупым действием или бездействием, а в незначительном диалоге - раскрывать характер героев, обстановки, всего того, что обычно требует многословного описания. Правда, такое встречается у Чехова не часто; тем ценнее каждый отдельный случай. Его короткие диалоги состоят из несвязанных фраз - вопросов и ответов, словно говорящие не слышат или не понимают друг друга.

Парадоксально, казалось бы, что экономно точный в описании Чехов выбирает слова некритично: первопопавшиеся, порой просто штампы. В целом же, такой выбор вполне гармонирует с банальными, если не пошлыми, сюжетами и героями, а других у него и не было. Герои Чехова почти все - карикатуры, в отличие от его поздних рассказов, в самых лучших из которых совсем нет гротеска.

Вот что написал Набоков о Чехове, естественным образом опередив меня в каждом своем слове: “[...] Я действительно нежно люблю Чехова. Однако мне не удается найти своему чувству разумного объяснения. [...] Когда я [...] представляю себе Чехова - то вижу лишь мешанину из ужасных прозаизмов, избитых эпитетов, повторов, врачей, неубедительных обольстительниц и тому подобного; и тем не менее именно его книги я взял бы с собой в путешествие на другую планету.”

Параллели

Сравните ночь близости и утро следующего дня в “Даме с собачкой” и “Попрыгунье”: измена на фоне пейзажа с водой, пространные размышления о вечном, переход на “ты”, а на утро – взаимное непонимание, раздражение, переход на “вы” и расставание. “Попрыгунья” была написана на 8 лет раньше, потому любовники там - карикатурные.

Главный метод Чехова - столкновение людей, непонимающих друг друга. В результате по желанию автора это непонимание вызывает юмористический или драматический эффект. Даже на риторично-ироничный вопрос Гурова, немец ли ее муж, Анна Сергеевна отвечает вполне серьезно, что нет, он православный, и этот маленький диалог между филологом и бывшей институткой не может не быть абсурдным. От этого чеховского метода до драматического абсурда Хармса и Беккета уже недалеко.

Сравним окончательный, книжный вариант рассказа с первым, журнальным. Перечислим самые важные трансформации текста:

Глава 2-я. Гениально по-чеховски добавлено про арбуз: “и стал есть не спеша”. Заменены невозможные для женщины слова “это больше никогда не повторится. Клянусь!” на необязывающее “это ужасно”. Сняты психологически несвойственные А.С. рассуждения о любви при прощании на вокзале: герои ни разу не говорят друг другу, что они любят.

Глава 3-я. Удалена фраза “говорил он долго, просил спеть что-нибудь, сам пел.” Гуров, в прошлом занимавшийся пением и бросивший это дело, неожиданно вновь запел, словно к нему вернулась молодость. Но Чехов не хотел так просто обойтись со своим героем, “перееродив” его, потому он и снял эту фразу. Между прочим, это было единственное подтверждение слов Гурова, сказанных в первой главе, о том, что он когда-то готовился петь в опере. Вслед за этим в диалоге (укороченном Чеховым в книжном издании) с сослуживцем заключительные слова “осетрина была не

свежая!” заменены на более подходящую по ритму фразу-контрапункт (теперь с ударением на последнем слоге): “осетрина-то с душком!”

Дама с собачкой

На первый взгляд, название рассказа вопреки обычаям объясняется в первом же абзаце. Мы видим издалека невысокую белокурую даму в берете. Тут же узнаем, что отличительной и единственной особенностью ее является белая собачка, шпиц. Пожалуй, только благодаря собачке, наш герой и обратил внимание на хозяйку. Ничего нового о Гурове нам уже не сообщат: к этому моменту мы узнаём буквально все подробности его личной жизни вместе с непривлекательным портретом жены, брюнетки - полной противоположности дамы с собачкой. Последующие за тем сведения о характере супруги по инерции воспринимаются тоже как противопоставления, и на её ярком, но негативном фоне постепенно, как на фотографии, проявляются нежные черты будущей любовницы. Ее образ будет проявляться и закрепляться в воображении Гурова до самого конца.

“Чеховские” детали в большинстве своем точны абсолютно, как это и обязано быть в хорошей литературе, и при внимательном перечтении каждая из них играет важную роль в композиции. Вот Гуров провожает свою дочь в гимназию. Она задает ему вопросы о природных явлениях, и он, филолог, занятый в этот момент мыслями о любовнице и о предстоящем скором свидании, дает дочери объяснения, можно представить себе, какие: в лучшем случае, вычитанные им из календаря. Почему Чехов передает нам этот ненужный и никчемный разговор? А затем, что это и есть его стиль и метод: невзначай, но совершенно ясно показать непонимание, отчуждение между отцом и дочерью. Не буду перечислять такие детали, как ставший общим местом значок мужа А.С. и мн. др., но от себя добавлю:

a) Во времена Чехова площадка павильона Верне (на сваях) выходила непосредственно к променаду и была немного приподнята над ним, отчего прохожие казались ниже ростом. Возможно именно поэтому Гуров любил наблюдать оттуда “низшую расу”. Чтобы видеть прохожих, приходилось сидеть впереди, спиной к морю, которое, очевидно, занимало Гурова меньше. Кроме того, из первого ряда и его было видно лучше. Отсюда он впервые и увидел даму в берете и с собачкой. С конца XIX в. берет стал частью женского гардероба. В России его было принято носить только замужним дамам. Между прочим, для того, чтобы увидеть цвет волос под беретом с вышины павильона, берет этот должен был быть небольшим.
b) А.С. останавливалась в Москве в “Славянском базаре”: только в этом месте замужние женщины могли пообедать без сопровождения, не нарушая норм этикета.
c) “Вульгарная” лорнетка, потерявшись в порту в начале их романа, при его возобновлении нашлась в не менее вульгарной опере.
d) Мысли об А.С. в душном номере гостиницы города С., воскресив запах японских духов в комнате А.С. в Ялте, опьянивших Гурова в их первую близость, услужливо напомнили об оперетте “Гейша”, рекламу которой он увидел по приезде в город С.

“В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренний туман, на вершинах гор неподвижно стояли белые облака. Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады, и однообразный глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас.” Возможно, этот вид вызвал в памяти Гурова схожее по настроению и описанию (и прекрасно знакомое Чехову) полотно Левитана “Над вечным покоем”, напомнил родной север, и он сказал, что пора домой. В конце главы он повторил, пора на север домой. Это была третья аллюзия на живопись. Второй в этой же главе была грешница Мария Магдалена, на которую А.С. так была похожа. Гуров, с легкостью расставаясь с другими, всю жизнь искал именно этот образ: смесь чистоты и греха, осознанного и вызывающего жалость. Ему нужна была А.С. в своей серой жалости. Постоянные жалобы и самоунижение А.С. вполне объясняют ее тягу к Гурову. Ей хочется быть униженной. После их сближения все краски потухли, и главным цветом стал серый: ее глаза, платье (так любимое им), забор, обстановка в гостинице. Все убогое, жалкое, серое, как и будущее героев.

Дама с собачкой - избитая тема, породившая карикатуры еще в эпоху Возрождения. Таким образом, название рассказа и есть самая первая отсылка к живописи, коих мы обнаружили три в одной главе.

“И я могу теперь про себя сказать, что меня попутал нечистый,” - говорит А.С. Этот “нечистый” или “не чистый” есть не кто иной как сам Гуров. Вообще слово “нечистый” повторяется в тексте не раз, а именно в главе первой “рассказы о нечистоте местных нравов”, в главе второй “попутал нечистый” и “нечистый попутал”, в главе третьей “слова...показались ему...нечистыми.” В главе четвертой - ничего! Очевидно, любовники к этому времени уже не считали свои отношения порочными: их обоих устраивали (подсознательно) такие отношения. Подчеркнем, мнение Чехова об их “чистоте” мы, к счастью, так и не узнаем, поскольку всё вышеперечисленное было сказано от имени героев, а не автора.

Молчание героев занимает особое место в рассказе: “и даже молчать с ними ему было легко”, “помолчали немного”, “она ничего не ответила”, “прошло по крайней мере полчаса в молчании”, “смотрели вниз на море и молчали”. Они молчат даже о своей любви, так до конца рассказа ни разу не признавшись в этом друг другу!

Рассказ Гурова

Всякий раз, перечитывая “Даму с собачкой”, я задавал себе вопрос, как мог Чехов с его неприятием малейшей патетики, пафоса, пошлости, с его тонким чувством стиля вставить в рассказ так несвойственные ему длинные и высокопарные пассажи. Поначалу мне хотелось верить, что это ирония или сарказм. Теперь, как мне кажется, я понял в чем дело.

Давайте попробуем прочитать рассказ так, как будто он написан самим Гуровым в третьем лице. Исследователи уже отмечали, что многое в тексте видится как бы глазами героя. Я предлагаю пойти дальше и считать рассказ автобиографией Гурова, человека рефлексирующего, не думающего, но мечтающего, этакого обрусевшего Гамлета. Весь текст поэтому - чистая психология, переживания героя, поток сознания.

Косвенным доказательством в пользу моего подхода служит тот факт, что Чехов ни разу не сообщил нам о чувствах и мыслях А.С. в непрямой речи, в отличие от гуровских впечатлений. Все, что нам известно, взято из ее прямой речи (очевидно, в пересказе Гурова), которую Чехов не случайно урезает в окончательном варианте текста. А.С. не показана нам одна, без Гурова. Ни разу она не предоставлена самой себе. Это убеждает нас в мысли, что все происходящее видится глазами Гурова и озвучивается им самим, а не Чеховым-рассказчиком.

Гуров увлекается, любит, размышляет, мечтает, сомневается, но он не только не способен на решительные действия, он и не хочет никаких изменений: отношения хозяин-жертва его вполне устраивают. Потому рассказ этот ничем не кончается. Внутренний монолог Гурова (на утро после близости) о вечном покое, высших целях, любви и человеческом достоинстве никак не меняет его дальнейшее поведение: он продолжает связь, с оглядкой и страхом, оправдываясь тем, что от их с А.С. поездок “впечатления неизменно всякий раз были прекрасны, величавы.” Таким образом, неуместный (на первый взгляд) пафос некоторых пассажей объясняется просто - это пафос не чеховский, а гуровский. Особенно богата на подобные монологи глава 4-я, в которой герой сталкивается с моральными неудобствами необходимости вести двойную жизнь. Самый последний подобный эпизод в рассказе, в конце 4-й главы, является и самым античеховским, но вполне укладывается в пошлый стиль Гурова. В качестве исключения приведу этот отрывок целиком потому, что каждая фраза в нем суть иллюстрация:

“Анна Сергеевна и он любили друг друга, как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья; им казалось, что сама судьба предназначила их друг для друга, и было непонятно, для чего он женат, а она замужем; и точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках. Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом, прощали все в настоящем и чувствовали, что эта их любовь изменила их обоих.”

Самообман, банальность и пошлость - в каждой фразе: любить как “нежные друзья” и “как муж и жена” (это Гуров-то!), “сама судьба”, “самец и самка”, “простили друг другу”, “любовь изменила их”. Слово “измена” было использовано Чеховым в рассказе четырежды, во всевозможных значениях: “Изменять ей он начал уже давно, изменял часто”, “впечатления неизменно всякий раз были прекрасны”, “любовь изменила их обоих”. В жизни же их не изменилось ничего. Изменения происходят исключительно в его голове, в мечтах с целью самооправдания, точно так, как это делает А.С. сразу после близости, отвечая на замечание Гурова: “Чем мне оправдываться?”, и тут же в длинном монологе приводя причины измены, от нее, по ее мнению, не зависящие. Гуров и А.С. продолжают обманывать себя, друг друга, свои семьи. Ничего нового, хорошего в их отношениях нет и не будет. Пользуясь новым прочтением, и разобравшись в характерах и желаниях героев, читатель не может питать надежды: Чехов, как всегда, верен себе.

P.S.

Нынче, перечитывая “Дуэль”, я с удивлением обнаружил незамеченные ранее переклички с “Дамой”. В “Даме” Чехов свел действие “Дуэли” к минимуму, удалив “действующих” лиц. “Дама” - это предыстория “Дуэли”, немногословная, строгая и самодостаточная. Создав “Даму”, Чехов, я думаю, пожалел о том, что написал “Дуэль”.

Библиография (главное)

Набоков В.В. - Лекции по русской литературе
Чехов А.П. - Дама с собачкой; “Русская мысль”, 1899 г., No. 12
Чудаков А.П. - Поэтика Чехова
Шестов Л. И. - Творчество из ничего